

С.И. Лазарева

Вклад русских женщин в развитие эмигрантских учебных заведений Маньчжурии в условиях японского оккупационного режима

The contribution of Russian women to development of emigrant educational institutions of Manchuria in the conditions of the Japanese occupational regime (1931 – 1945)

В статье на основе архивных документов раскрывается вклад русских женщин в становление и развитие эмигрантских учебных заведений в Маньчжурии в 30 – 40-е гг. XX в. Выявлены отличия русской системы образования в Китае от европейских стран, где в этот период она пришла в упадок. Всесторонне анализируются механизмы сохранения "русскости" и адаптации российских эмигрантов к местным условиям в Харбине и полосе отчуждения КВЖД. Названы новые имена русских женщин, которые обучали и воспитывали молодых эмигрантов "первой волны".

◆

In article on the basis of archival documents the contribution of Russian women to formation and development of emigrant educational institutions to Manchuria in 30 – 40th of XX century is considered. Differences of Russian education system in China from the European countries where during this period it has fallen into decay are revealed. Mechanisms of preservation of "russianness" and adaptation of the Russian emigrants to local conditions in Harbin and right-of-way of KVZD are comprehensively analyzed. New names of Russian women, which trained and brought up young emigrants of "the first wave", are named.

Система русского образования в Маньчжурии, и, прежде всего, в Харбине, включая все ее ступени от начального до высшего, в 30-е годы продолжала успешно функционировать и имела заметные результаты (в отличие от европейских стран, где она в этот период пришла в упадок), что позволило Харбину стать в этом отношении выше, чем другие зарубежные центры русского расселения.

Это объяснялось особыми механизмами сохранения "русскости" и адаптации российских эмигрантов к местным условиям в Харбине и полосе отчуждения КВЖД, которые складывались исторически на протяжении десятков лет.

В ходе столкновения в Маньчжурии двух цивилизаций, – Востока и Запада, – их сосуществования и взаимного изучения во всех сферах повседневной жизни, среди русского населения не происходило ни ассимиляционных, ни аккультурационных процессов. В окружении "чуждой" им культуры они создали на северо-востоке Китая свою диаспору, сохранили свое русское самосоз-

вание, что способствовало возникновению развитой системы русского образования. В свою очередь, именно система образования явилась своеобразным механизмом сохранения "русскости", так как через нее молодому поколению передавалась большая часть русских достижений, традиций и культурного наследия¹.

Система русского образования, сложившаяся в Маньчжурии в дореволюционный период, в целом соответствовала школьной системе Российской империи того времени. Заложенная в те годы база русского школьного образования приобрела важное значение в последующий период, когда Харбин стал одним из центров российской эмиграции. Она позволила русским детям в условиях "чужого" культурного окружения получить русское образование и воспитание, сберечь свой язык и национальную самобытность.

К началу 30-х годов в Северной Маньчжурии насчитывалось 74 русских учебных заведения, не считая вузов, специальных школ и кратковременных курсов. Из них в Харбине – 43, а на линии КВЖД – 31 учебное заведение. Если в 1923 г. эти учебные заведения дали образование 6 тыс. русских, то уже в 1931 г. – 18 тыс., т.е. число учащихся увеличилось в 3 раза². Из 43 учебных заведений Харбина 13 были средними: гимназия М.С. Генерозовой с 2-мя подготовительными классами; женская гимназия М.А. Оксаковской с 3-мя подготовительными и 2-мя основными вечерними классами – 6-м и 7-м; гимназия Я.А. Дризуль с подготовительными классами; гимназия ХСМЛ с 2-мя подготовительными классами; гимназия педагогического института с детским садом и подготовительным классом; гимназия им. Ф.М. Достоевского с 3-мя подготовительными классами; гимназия им. А.С. Пушкина в Модягоу и пристани и др.³

Наибольшей популярностью среди них пользовалась гимназия М.С. Генерозовой. Русская дворянка, окончившая в 1887 г. Батумский Девичий институт и проработавшая несколько лет преподавателем русского языка в Батумской гимназии, М.С. Генерозова в 1903 г. переехала в Харбин и открыла здесь первую частную гимназию. В 1931/32 учебном году в ней работали 25 преподавателей (13 мужчин и 12 женщин), которые характеризовались высокими профессиональными качествами, 11 из них имели высшее образование, 14 – среднее. Всего в гимназии обучались 126 учащихся (41 м. и 85 ж.), среди них 97 были эмигрантами, 15 – подданными СССР, 8 – китайскими подданными русского происхождения, 2 – китаец и 4 – других национальностей. Окончили ее в 1931/32 учебном году 29 чел. (10 м. и 19 ж.). За время существования этого учебного заведения через его стены прошли более 1 тыс. девушек⁴.

Не менее известной и престижной по-прежнему была старейшая женская гимназия М.А. Оксаковской (сущ. с 1906 г.). Наибольший расцвет ее приходился на 1917 – 1918 гг., когда ко-

¹ См.: Каневская Г.И. Русское образование в Харбине (конец XIX – сер. XX в.) // Россия и АТР. 1997. № 3. С. 54, 55.

² ГАХК. Ф. 1128, оп. 1, д. 41, л. 8, 13, 14; Политехник. 1979. № 5. С. 32-33.

³ ГАХК. Ф. 1128, оп. 1, д. 111, л. 118.

⁴ Там же.

личество учениц в ней достигло весьма внушительной цифры – 969 чел. Популярность гимназии была настолько велика, что, несмотря на наличие своего коммерческого училища, многие служащие КВЖД предпочитали отдавать своих дочерей в гимназию М.А. Оксаковской. Это учебное заведение закончили дочери генерала Д.Л. Хорвата, зав. земельным отделом М.К. Кошкарова, Н.Л. Гондатти и многих других как российских, так и китайских сановников.

В 1931/32 учебном году в женской гимназии обучались 172 ученицы, среди них 88 были эмигрантами; 41 – поданными СССР; 27 – китайскими подданными русского происхождения; 6 – китаянками и 10 – других национальностей. В 1931/32 учебном году гимназию закончили 41 девушка.

Педагогический коллектив состоял из 34 преподавателей (20 м. и 14 ж.), среди них 13 были с высшим, 16 – со специальным и 5 – со средним образованием¹.

В 1935 г. М.А. Оксаковская, незадолго до своей смерти, обратилась к Обществу старожил Харбина и Северной Маньчжурии с просьбой взять ее учебные заведения (женскую гимназию, существующую с 1906 г.; I-ое мужское реальное училище, существующее с 1925 г.; вечерние гимназические курсы, существующие с 1929 г.) под свое покровительство, что и было осуществлено ее преемником, ее сыном – Ф.Е. Оксаковским.

Федор Евграфович Оксаковский был высокообразованным и культурным человеком. Окончил университетские курсы Императорского лицея им. цесаревича Николая, учился на юридическом факультете Московского университета, в 1917 г. закончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. После смерти матери возглавил ее учебные учреждения, преподавал правоведение и политэкономiku, продолжил лучшие традиции русского образования².

Преподаватели гимназии во главе с директором профессионально оказались в состоянии дать ученицам должное образование и сохранить в их душе, памяти, языке Россию. Во многом это определялось образовательным уровнем и педагогическим стажем учителей – мужчин и женщин. Так, историю России преподавала Е.Р. Беме, окончившая Екатерининскую гимназию и имевшая педагогический стаж 34 года; русский язык, историю, философию вела С.А. Обольянинова, получившая образование в Императорском Харьковском университете. Педагогический стаж ее составлял 31 год; английскому языку обучала бывшая кн. Н.А. Ухтомская, которая окончила Сибирскую женскую гимназию и специальные курсы английского языка. Педагогический стаж ее составлял 20 лет.

Большинство учителей гимназии имели высокий образовательный уровень и большой стаж педагогической работы³.

В 1936 г. состоялся 26-й выпуск женской гимназии (первый

¹ ГАХК. Ф. 1128, оп. 1, д. 111, л. 118.

² Харбинская старина. Издание Общества старожил г. Харбина и С. Маньчжурии. Харбин, 1936. С. 53, 54; ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 256, л. 47.

³ ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 256, л. 46-47.

выпуск – в 1911 г.). Всего за время существования женской гимназии, до 1936 г., через ее стены прошли 12 176 девушек. Помимо этого, 7-й и 8-й классы гимназии окончили 2 873 ученицы¹.

Многие харбинцы в 30-е годы предпочитали отдавать своих детей в другое старейшее учебное заведение – гимназию Я.А. Дризуль (сущ. с 1911 г.), имевшую 3 пригготовительных и 7 основных классов.

В 1931/32 учебном году в гимназии обучались 72 чел. (35 м. и 37 ж.), среди них 20 были эмигрантами, 19 – подданными СССР, 20 – китайскими подданными русского происхождения, 1 – китаецем и 12 – других национальностей.

Педагогический коллектив был представлен 12 преподавателями (9 м. и 3 ж.), 10 из которых имели высшее образование, а 2 – среднее.

В 1931/32 учебном году гимназию закончили 29 чел. (14 м. и 15 ж.).

Эта гимназия по уровню подготовки учащихся котировалась настолько высоко, что окончившие ее могли без экзаменов поступать во все местные и зарубежные учебные заведения.

В 30-е годы росла также популярность гимназии педагогического института с 7-ю основными и 3-мя пригготовительными классами. Она была основана в 1926 г. В 1931/32 учебном году в ней обучались 166 чел. (82 м. и 84 ж.), среди них 83 были эмигрантами, 27 – подданными СССР, 46 – китайскими подданными русского происхождения, 10 – других национальностей². Обучение и воспитание вели 28 преподавателей (15 м. и 13 ж.), 15 из них имели высшее образование и 13 – среднее. В 1931/32 учебном году гимназию пединститута закончили 18 чел. (8 м. и 10 ж.)³.

В эти годы продолжали свою деятельность и частные начальные училища: школа и детский сад А.Д. Тороповой, где обучались 39 чел. (17 м. и 122 ж.), среди них 35 были эмигрантами, 3 – китайцами, 1 – поляком. В 1931/32 учебном году школу закончили 6 чел. (4 м. и 2 ж.); школа и детский сад К.П. Чесноковой, в которой обучались 50 чел.; школа и детский сад М.Ф. Ландышевой; приют-школа "Русский дом" и др. Всего в 1931 г. в Харбине насчитывалось 15 начальных училищ⁴.

Как свидетельствуют документы, в этих учебных заведениях работало уже второе поколение эмигрантов, дети тех, кто прибыл в Маньчжурию 1917 – 1920 гг. Так, английский язык в школах Тороповой и Чесноковой вела В.М. Буренок, окончившая в 1936 г. в Харбине английский колледж; русский язык и арифметику в школе Тороповой преподавала М.И. Шиллер, которая в 1932 г. окончила гимназию в Харбине. Тем же предметам в школе Чесноковой обучала Е.В. Чунихина, окончившая в 1929 г. юридический факультет в г. Харбине и др.⁵

Как показывают документы, преподавательский состав в

¹ Харбинская старина... С. 53, 54, 55.

² ГАХК. Ф. 1128, оп. 1, д. 111, л. 118.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 256, л. 58-60.

средних учебных заведениях в 30-е годы имел высшее и среднее образование, хотя в 20-е годы некоторые преподаватели имели незаконченное среднее образование: в 1922 г. таких было 41 чел., а в 1925 г. – 46 чел.¹

Таким образом, к 1930 г. педагогический коллектив средних учебных заведений был полностью "образован".

За период с 1922 по 1930 г. значительно возросло число учителей, имеющих стаж работы от 11 до 15 лет и от 16 до 20 лет: если таковых в 1920 г. было 39 чел. и 30 чел., то в 1930 г. – уже 95 чел. и 62 чел.², рост составил соответственно: 2,4 и 2,06 раз.

К 1930 г. заметно изменился возрастной состав преподавателей. Основу его составляли учителя от 31 до 40 лет, имеющие определенное педагогическое образование и стаж, а также жизненный опыт, что, естественно, оказало влияние на улучшение качества образования.

К этому времени педагогические коллективы стали пополняться представителями нового поколения русских эмигрантов в возрасте от 20 и более лет, получивших образование в Маньчжурии.

Все это свидетельствует о том, что к началу 30-х годов заметно повысился профессионализм и жизненный опыт российских преподавателей, что позволяло им в условиях эмиграции успешно решать задачи в области образования и воспитания подрастающего поколения.

В 30 – 40-е годы большое влияние на развитие русского образования в Маньчжурии, в том числе и в Харбине, стал оказывать политический фактор. В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, и было образовано марионеточное государство Маньчжоу-Го.

Это привело к существенным изменениям системы русского образования, она подверглась последовательной японизации. Причем, этот процесс начался на территории Квантунской области и в зоне отчуждения КВЖД еще в 20-х годах и продолжался в 30-е годы.

С марта 1932 г. в Маньчжоу-Го стали прибывать японские методисты и другие специалисты в области образования. Началась работа по подготовке новых учебников и учебных пособий, построенных на морально-этических принципах конфуцианства³.

Для скорейшего составления учебников 1 декабря 1940 г. была учреждена комиссия Министерства народного благосостояния (МНБ) с отделением в Харбине. В нее вошли 16 человек, в том числе представители МНБ, местных органов, а также российской эмиграции.

Руководить русским сектором составления учебников были приглашены профессора Н.И. Никифоров и Г.Г. Авенариус⁴.

Японская печать не скрывала, что в Маньчжоу-Го вводится японская система образования.

¹ ГАХК. Ф. 831, оп. 2, д. 32, л. 14, 15, 67.

² Там же.

³ История Северо-Восточного Китая. Кн. 2. Владивосток, 1989. С. 148.

⁴ Голос эмигрантов. Харбин. 1941. 9 февр.

Содержание новых учебников строилось таким образом, чтобы давать японскую интерпретацию внутренним и международным событиям, воспитывать у учащихся лояльное отношение к режиму и сотрудничеству с Японией. С учетом этого МНБ были разработаны "Основные положения воспитания и образования русских эмигрантов", они были положены в основу деятельности всех эмигрантских учебных заведений. В них подчеркивалось, что учебно-воспитательный процесс должен строиться на антикоммунистических идеях и проводиться на русском языке. При этом особо оговаривалось, что религиозные, национальные обычаи, составляющие особенности российских эмигрантов, должны проводиться в школах таким образом, чтобы не отрывать детей от школьных занятий. Особый уклон делался на расширение практических знаний¹.

В качестве обязательного предмета вводился японский язык. Это был "путь к изучению истории, культуры, духа японского народа, как ведущей на Востоке нации, связующего звена между народами Маньчжоу-Го"².

Уже в 1935 г. было открыто 280 школ японского языка. Лица в возрасте от 15 до 35 лет в обязательном порядке проходили курсы обучения в этих школах³.

В 1937 г. правительство Маньчжоу-Ди-Го провело коренную реформу народного образования, которая не обошла стороной и русскую диаспору. Целью реформы было создание такой системы образования и воспитания, которая должна была помочь японским властям сформировать у молодого поколения русских про-японские убеждения, тем самым обеспечить сохранение политического и экономического господства Японии в Маньчжурии. Для реализации этой цели все учебные заведения, в том числе эмигрантские, переходили на единые учебные программы и централизованное управление.

В мае 1937 г. все эмигрантские школы были переведены на трехступенчатую основу: первая ступень – начальные школы; вторая – повышенные народные школы; третья – высшие народные школы с длительностью обучения в 4 года.

В Харбине начальные школы были открыты: на Диагональной улице (к 1941 г. число учащихся в ней составило 200 чел.: 140 м. и 60 дев.); на Старохарбинском шоссе (к 1941 г. обучались 111 чел.: 70 м. и 41 дев.); в Корпусном городке (к 1941 г. обучались 118 чел.: 60 м. и 58 дев.). Начальная и повышенная народные школы имелись на Почтовой (185 чел.: 31 м. и 154 дев.) и на Артиллерийской (359 чел.: 180 м. и 179 дев.) улицах и др.⁴

Вне Харбина начальные и повышенные школы для детей эмигрантов действовали, главным образом, в пределах Биньцзянской провинции и в Трехречье.

Начальные народные школы были на станциях Вейшахэ,

¹ Там же.

² Учебная программа народных и повышенных школ // Сост. под общ. ред. П.А. Матросова. Харбин, 1943. С. 7.

³ История Северо-Восточного Китая... С. 148.

⁴ ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 92, л. 2-4.

Яблоня, Шитохэцзы, Эхо, Мулин, Чол, Барим, Хайлар (2 начальных школы) и др. Повышенные начальные школы имелись на станциях Имяньпо, Яблоня, Ханьдаохэцзы, Мулин, Пограничная. К середине 30-х годов в Маньчжурии насчитывалось 103 народных повышенных и высших народных школ, где обучались 2805 учащихся (1538 м. и 1267 ж.)¹.

Заведующими многих народных школ были российские женщины-эмигрантки. Среди них: В.А. Холодова. В 1929 г. она окончила Харбинский пединститут, после окончания работала в разных школах Маньчжурии. С 1937 г. – зав. школой на концессии Чол; Е.А. Немцова. В 1914 г. окончила правительственную гимназию в Благовещенске, после революционных событий 1917 г., оказавшись в Харбине, работала в частных школах, с 1939 г. – зав. школой в пос. Алексеевка; С.К. Зубрицкая. В 1923 г. окончила гимназию М.А. Оксаковской, в 30-е годы работала в частной школе К.П. Чесноковой, с 1939 г. – сначала учительница, а затем директор школы в пос. Попирай (Трехречье) и др.²

Эти женщины немало сделали для того, чтобы обеспечить работу школ, снабдить их необходимыми учебниками, организовать обучение и воспитание детей эмигрантов.

В связи с реформой в школьном деле, согласно закону 1937 г., прекратили свое существование несколько средних учебных заведений Харбина: старейшая гимназия М.А. Оксаковской, гимназия Я.А. Дризуль, I реальное училище, Пушкинская гимназия в Модягоу, гимназия ХСМЛ (сущ. с 1925 г.), I общественное коммерческое училище, Алексеевское реальное училище.

По особому разрешению властей сохранились несколько частных начальных школ: школа и детский сад К.П. Чесноковой, школа и детский сад А.Д. Тороповой, еврейские и мусульманские школы.

К концу 1941 г. в этих частных школах числились 372 учащихся и 38 преподавателей³.

Реформа 1937 г. не только видоизменила внешний облик школ, но и перестроила содержание обучения в них.

Для координации деятельности всех эмигрантских школ в Маньчжоу-Ди-Го и контроля над их работой в 1940 г. при Бюро по делам российских эмигрантов был образован школьный подотдел, непосредственно подчиненный 2-му культурно-просветительному отделу К.В. Родзаевского.

В обязанность школьного подотдела стало входить руководство работой комитета содействия беднейшим учащимся (создан 22 февраля 1939 г. при Бюро в целях оказания помощи нуждающимся учащимся). В 1940 г. таких учащихся насчитывалось 150 чел., а плата за обучение составляла 3100 гоби.

Во всех эмигрантских школах Маньчжоу-Ди-Го в 1940 г., по данным подотдела, обучалось 5500 учащихся, а штат педагогов в них включал 400 чел., причем почти половину из них составляли

¹ Там же.

² ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 248, л. 26, 27, 72.

³ Великая Маньчжурская империя. К 100-летию юбилею. Харбин 1942. С. 342.

женщины¹.

В период проведения реформ правительством были открыты несколько средних учебных заведений, из которых одни относились к категории высших народных школ, а другие – к школам специального типа.

15 ноября 1935 г. в ведение Бюро по делам российских эмигрантов перешла гимназия педагогического института, в которой на 1 апреля 1936 г. обучались 312 учащихся (143 м и 169 ж.) (в 1931 г. -156 учащихся: 82 м. и 74 ж.), что свидетельствовало о большой популярности гимназии среди учебных заведений Харбина. В ней получали образование дети различных категорий населения: на первом месте стояли дети рабочих (35 чел.); на втором – железнодорожников (33 чел.); на третьем – торговцев (21 чел.); на четвертом – педагогов (14 чел.); затем ремесленников (11 чел.); государственных служащих (6 чел.); служащих судебных учреждений (6 чел.); медицинских работников (5 чел.) и др. Значительное число (53 чел.) составляли дети безработных².

Низкие денежные доходы родителей обучающихся детей (свыше 500 гоби имели лишь 4 чел.; от 100 до 500 гоби – 10 чел.; от 30 до 100 гоби – 150 чел.; от 10 до 30 гоби – 50 чел.; меньше 10 гоби – 32 чел.), а также наличие большого числа детей безработных обусловили различный уровень оплаты за обучение. Так, из 312 гимназистов только 75 чел. полностью оплачивали свое обучение, 121 чел. обучались на льготных условиях и лишь 19 учились бесплатно³.

Несмотря на тяжелые материальные условия и на небольшую финансовую помощь со стороны Департамента народного просвещения (ДНП), гимназия продолжала существовать, хотя и в реформированном виде.

2 апреля 1936 г. мужская и женская гимназии Бюро стали существовать отдельно одна от другой.

С 1 января 1940 г. мужская гимназия и высшая народная школа Бюро были слиты с 4-й высшей народной школой (сущ. с 1 января 1938 г.) и правительственной гимназией (сущ. с 15 августа 1935 г.) в одно учебное заведение, получившее название "Высшая народная школа Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (ВНШ)", имела два отделения – механическое и коммерческое.

В 1942 г. ВНШ Главного Бюро разделилась. Выделилась 4-ая высшая народная школа (правительственная) (4-я ВНШ) с практическим уклоном – механическим. В школе в эти годы обучались 172 учащихся. Педагогический коллектив был представлен 13 русскими и 2 японскими преподавателями⁴. При школе был открыт интернат на 40 чел. для иногородних учащихся. Для успешного освоения предметов, практических знаний при школе были оборудованы механические мастерские с токарными, точильными станками, кузница и чертежный класс.

¹ Голос эмигрантов. Харбин. 1940. 1 янв.

² ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 17, л. 91-93.

³ Там же.

⁴ ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 164, л. 72.

Коммерческое же отделение, бывшее при Главном Бюро, выделилось в самостоятельную школу с сохранением своего прежнего названия. Эта школа перешла в помещение Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ), влив в свой состав первые два класса мальчиков Института ХСМЛ.

Другой правительственной школой являлась 2-я высшая женская народная школа Биньцзянской провинции (2-ая ВЖНШ), которая была образована 1 апреля 1940 г. из женской гимназии и женской высшей народной школы Бюро эмигрантов. Эта школа являлась единственным женским средним учебным заведением общеобразовательного характера с программой, которая по своему объему соответствовала программам прежних русских гимназий и даже несколько была расширена в сторону прикладных и коммерческих знаний. В ней преподавались коммерческая арифметика, бухгалтерия, машинопись и другие предметы. В момент образования школы (1 апреля 1940 г.) в ней обучались 304 ученицы. В 1944 г. число учащихся сократилось до 220 чел. Это было связано во многом с сокращением численности русского населения на заключительном этапе существования русской колонии¹. Директором школы был С.И. Цветков. Педагогический коллектив состоял из 26 преподавателей, 10 из них женщины: Е.И. Кудрявцева, Е.К. Парницкая, А.П. Темникова, М.М. Мюллер, А.П. Грибановская, С.С. Беляева, которые во главе с директором много сделали и для того, чтобы русские дети, несмотря на тяжелые материальные условия, могли закончить обучение в школе. С целью облегчения положения неимущих учениц, которые представляли основной состав учащихся, С.И. Цветков обратился в Комитет содействия учащимся с просьбой о снятии платы за обучение с ряда школьниц. Помощь была оказана².

Эмигрантский поток выбросил в Маньчжурию большое число всевозможных специалистов: врачей, юристов, инженеров, техников, учителей, среди которых было немало женщин. Многие из них пошли работать в эмигрантские школы, чтобы преподавать историю, русский язык, рукоделие, домоводство и другие дисциплины. В высшей женской народной школе (ВЖНШ) в 30-е годы русский язык вела А.А. Левицкая, закончившая в 1918 г. историко-филологическое отделение Высших женских бестужевских курсов; домоводство преподавала Т.И. Шестакова, которая окончила женскую гимназию и педагогический класс в Семипалатинске; историю русского искусства читала М.М. Мюллер, окончившая в 1910 г. Хабаровскую казенную гимназию, а в 1915 г. – Высшую петроградскую школу прикладного искусства и др. Эти педагоги-женщины в труднейших экономических и правовых условиях смогли на чужбине спасти тысячи русских детей от денационализации, обеспечить им школу на родном языке, создать условия русским детям для получения образования вне

¹ ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 85, л. 29.

² ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 235, л. 12.

пределов Родины¹.

Что касается других учебных учреждений типа высших народных школ, существовавших в Харбине в это время, то можно назвать Духовную семинарию, имевшую 4 основных и 2 дополнительных подготовительных класса. В ней работали 19 преподавателей, из них 5 женщин – Т.Я. Косова, М.П. Русина, В.С. Апанаскевич и др.

В духовной семинарии не хватало учебников, особенно по географии и русской истории. Не было средств на приобретение оборудования. В 1942 г. она получила субсидии от государства, что позволило упрочить ее финансовое положение.

Из школ г. Харбина, не принадлежащих к типу высших народных школ, надо отметить русский техникум, открытый в 1939 г. Маньчжурской механической ассоциацией для детей российских эмигрантов, желающих получить практическое техническое образование. После двухлетнего обучения учебное заведение выпускало технических работников для горных и фабрично-заводских учреждений Маньчжоу-Ди-Го. В 1943 г. техникум окончили 47 чел.

К высшим народным школам с уклоном языковедения относились I-ая Харбинская школа языковедения, Институт и гимназия ХСМЛ (сущ. с 1925 г.). То были частные школы. Распоряжением правительственных органов с 1944 г. прием в них учащихся в 1-й класс был закрыт. Они стали существовать в составе 3-х классов: 2-го, 3-го и 4-го².

В программе гимназии ХСМЛ, кроме теоретических курсов по истории, литературе, естественным наукам, большое внимание уделялось воспитанию молодых харбинцев в духе коллективизма, бескорыстия, высоких нравственных начал. Эта гимназия славилась профессиональным коллективом, дающим добротные знания. Среди преподавателей было немало талантливых педагогов-женщин: Е.Н. Киструсская (в 1909 г. окончила университет в Кембридже, 26 лет она отдала педагогической деятельности, преподавала историю, коммерческую корреспонденцию); Е.А. Перницкая (в 1908 г. окончила колледж в Лондоне и в 1912 г. высшие женские курсы в Петрограде, педагогический стаж ее составлял 23 года, преподавала гигиену, английский язык); С.К. Желиховская (в 1903 г. окончила курс Томской Мариинской женской гимназии, 31 год проработала учителем русского языка); М.Г. Турубарова (в 1928 г. окончила юридический факультет и школу машинописи в Харбине, педагогический стаж ее составлял 14 лет, преподавала машинопись) и др. Эти преподаватели не только обучали эмигрантскую молодежь различным наукам, но и прививали лучшие черты русской национальной культуры³.

В 1938 г. состоялся II-й выпуск гимназии ХСМЛ. Подавляющее число учеников родились в эмиграции и не знали Россию, но все они были воспитаны в гимназии в духе любви к Рос-

¹ ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 256, л. 3, 4.

² ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 256, л. 2-4.

³ ГАХК. Ф. 1128, оп. 1, д. 78, л. 188.

сии, гордились своей принадлежностью к русским, а также им настойчиво прививалась вера в близкое возрождение Родины, к служению которой их готовили. В 1938 г. гимназию ХСМЛ окончили 35 чел., из них 21 чел. были девушки: Е. Балашова, А. Ким, Е. Коренева, Е. Пуле, Н. Федосеева и др.¹

Харбинскую гимназию ХСМЛ окончила и Ариадна Семеновна Шкляева (урожденная Швалова), которую после окончания иностранного колледжа оставили на преподавательской работе. До 1963 г. она преподавала английский язык сначала в гимназии, затем в Институте иностранных языков и педагогическом институте в Харбине. После 1963 г. А.С. Шкляева уехала в США, где преподавала русский язык и литературу в Нью-Йоркском университете. Там получила докторскую степень и звание профессора. Заслужила высокое признание в научных и преподавательских кругах США. И сейчас лучшим студентам-филологам Нью-Йоркского университета ежегодно присуждается стипендия имени заслуженного профессора русского языка и литературы А.С. Шкляевой².

В школе языкознания к началу 1944 г. обучалось 123 чел., из них 53 м. и 70 ж. Школа существовала за счет платы за обучение и изысканий родительского комитета, возглавляемого Е.А. Рачковским.

Родительские комитеты были организованы при всех школах. Основной состав их был представлен женщинами. Так, членами родительского комитета высших народных школ Главного Бюро являлись Н.Е. Саноцкая и А.П. Зеленая, которые проводили огромную работу по изысканию средств на оплату обучения неимущих детей. С этой целью ими были организованы концерты, вечера, лекции. Проведение этих мероприятий родительским комитетом в 1942 г. дало 1231 гоби; от организации лотереи – 878 гоби. Родительский комитет взял на себя некоторую долю расходов по выдаче бесплатных завтраков для беднейших учащихся городских школ³.

В 1942 г. новой заботой родительских комитетов стало снабжение учащихся школьной формой, обувью (ранее этим родительский комитет не занимался). Одежды и обуви детям было выдано на 42 гоби, помощь деньгами оказана в размере 25 гоби, на бесплатные завтраки было затрачено 230 гоби⁴.

21 февраля 1943 г. состоялось общее собрание членов родительского комитета высших народных школ Главного Бюро, на котором был заслушан денежный отчет за 1942 год, избран новый состав родительского комитета, куда в качестве помощников председателя родительского комитета вошли Н.Е. Саноцкая и А.П. Зеленая⁵.

К числу средних учебных заведений Харбина, действовав-

¹ Рубеж. Харбин. 1938. № 3. С. 15.

² Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской литературы. Владивосток, 1994, С. 125

³ ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 235, л. 11.

⁴ Голос эмигрантов. Харбин. 1943. 17 янв.

⁵ Там же.

ших в 30-40-е годы относился Лицей Св. Николая (сущ. с 1919 г.), в котором в 1942 г. обучалось 188 мальчиков, 80 % из них имели льготное обучение. Лицей был закрытым учебным заведением для мальчиков с программой средних школ, соответствующей, примерно, программам русских довоенных гимназий. Директором лицея являлся архимандрит Андрей. В основу воспитания были положены христианские начала нравственности, любви к Родине.

Девочки получали образование в Институте Св. Урсулы (сущ. с 1928 г.), закрытом учебном заведении, директором которого была игуменья Мария Сливовска. В 1942 г. в институте обучались 143 девочки, 80 % из них – на льготных условиях. Многие учились в Приюте сестер францисканок (сущ. с 1922 г.), во главе которого стояла игуменья Мария Де-Лянж. В 1942 г. в приюте проживали 165 девочек, круглые сироты обучались бесплатно¹.

Была еще школа в Харбине для глухонемых (сущ. с 1922 г.). В 1942 г. в ней обучались 7 учащихся по программе начальных школ, по особому методу. Зав. школой был В.М. Салтыков, который работал в этой школе 18 лет. Преподавал учащимся русский язык, арифметику, ручной труд. Большую помощь ему в образовании и воспитании учащихся оказывала его жена Е.П. Салтыкова, получившая домашнее воспитание и посвятившая себя педагогической деятельности. Вела те же предметы, что и ее муж: русский язык, арифметику, ручной труд².

Эти учебные заведения преследовали просветительно-благотворительные цели.

Помимо Харбина средние учебные заведения были в Мулине, Бухэду, Хайларе, Синьцзине и других пунктах империи³.

В эти годы было создано много профессиональных школ, цель которых – дать практические знания, необходимые в условиях эмиграции. Так, в 1937 г. в Харбине была открыта профессиональная школа для девочек от 12 до 16 лет, закончивших городские начальные училища или перешедших во второй класс средних школ. Программа школы соответствовала программам русских прогимназий, обязательными предметами в ней являлись японский язык, домоводство, кулинария, шитье, кустарное ремесло, оказание первой медицинской помощи и др. Курс обучения – четырехгодичный. Во главе школы Попечительским Советом была поставлена педагог О.В. Голубцова. Содержалась школа за счет правительственных субсидий, платы за обучение и случайных поступлений⁴. В 1938 г. в городе была основана профессиональная женская школа с трехгодичным курсом обучения. Кроме общего образования, ученицы изучали конторское дело и все виды женского рукоделия. Школа была хорошо оборудована учебными пособиями, пишущими и швейными машинками. Обучение было платным – 12 гоби в год. В ней работало 4 преподавателя: математику, русский язык и гражданскую мо-

¹ ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 256, л. 63.

² Там же.

³ ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 98, л. 106, 107, 108, 109.

⁴ ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 95, л. 36.

раль вела Е.Ф. Кудрявцева; кройку и шитье – Е.М. Копьева; машинопись – Н.В. Васильевская, английский язык вела бесплатно по совместительству Н.А. Ухтомская; вязку, изготовление шляпок – Е.А. Турбина. Все эти женщины были молоды (самая старшая была Е.Ф. Кудрявцева, ей исполнилось 45 лет), полны энергии и отдавали все свои знания и силы школьному образованию. Директором школы была педагог Е.Ф. Кудрявцева. Школа сделала три выпуска, ее окончили 72 ученицы, все они нашли работу по специальности¹.

Особенностью русского образования в Харбине являлся его регионоведческий характер. Во всех гимназиях, помимо английского языка, учили китайский и японский (последний особенно в 30 – 40-е годы). Изучались такие дисциплины, как востоковедение, торговля стран Востока и др.

Если в 1937 г. среднюю школу окончили 340 чел., то в 1941 г. – уже 357 чел., в том числе женскую гимназию и высшую народную школу – 62 чел.; женскую профессиональную школу – 19 чел.; реальное училище и женскую гимназию М.А. Оксаковской – 39 чел.; Объединенную гимназию – 32 чел. и др. Повышенные народные школы окончили 249 чел., в том числе на Артиллерийской улице – 131 чел.; на Таможенной улице – 75 чел.; в "Русском Доме" – 13 чел. и др. В народных школах закончили обучение 339 чел, в том числе школу А.Д. Тороповой – 21 чел.; школу К.П. Чесноковой – 27 чел. и др.²

К началу 40-х годов для русского населения Маньчжоу-Ди-Го имелось достаточное количество народных и повышенных народных школ. Успешно работали центральная ПН и НШ, ПН и НШ на Таможенной улице Харбина, приют сестер Францисканок, ПН и НШ при "Русском Доме", тюрко-татарская ПН и НШ "Ринайят", Харбинская еврейская ПН и НШ при еврейском обществе, начальная НШ в Корпусном городке, Начальная НШ в Затоне, начальная НШ на Старохарбинском шоссе, в которых обучались 1182 учащихся³.

Однако возникли трудности по обеспечению этих школ специально подготовленными педагогическими кадрами. Количество старых, обладающих высокой квалификацией преподавателей сокращалось: одни вышли на пенсию, другие – поменяли местожительство, уехали в США, Австралию и другие страны. Специальной подготовки преподавателей для эмигрантских учебных заведений не проводилось.

Таким образом, сама жизнь поставила перед русскими задачу подготовки высококвалифицированных педагогов, отвечающих более высоким требованиям обучения и воспитания подрастающего поколения, предъявляемым жизнью в тот период.

13 августа 1942 г. на заседании культурно-просветительной комиссии Главного Бюро был рассмотрен и утвержден проект организации педагогических курсов для подготовки преподавате-

¹ Рубеж. Харбин. 1938. № 3. С. 15.

² Голос эмигрантов. Харбин. 1941. 12 янв.

³ ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 32, л. 30.

лей народных и повышенных народных школ. В нем была обоснована необходимость открытия курсов для молодых российских эмигрантов, окончивших среднюю школу и желающих посвятить себя педагогической деятельности, в т.ч. годичных – для преподавателей повышенных народных школ¹. Организация этих курсов была поручена Главному Бюро и Особому отделу Кио-Ва-Кай.

Культурно-просветительная комиссия утвердила программу курсов, которая включала методики русского языка, арифметики, грамматику, педагогику, дидактику, школьную организацию, историю педагогических учений, гражданскую мораль, физическое развитие (анатомия, физиология, гигиена, гимнастика, спортивные игры). На все это выделялось 36 часов.

Слушателями могли быть лица обоего пола (до 25 чел.), которым выдавалась стипендия в 60 гоби ежемесячно, за что каждый прошедший курс был обязан прослужить по указанному распределению 2 года.

В состав преподавателей курсов вошли лучшие педагоги, как мужчины, так и женщины: И.И. Костючек – методист русского языка; профессор К.И. Зайцев (история педагогических учений); преподаватель 2-й женской высшей народной школы, директор профессиональной женской школы Е.Ф. Кудрявцева (гражданская мораль); г-жа Вальтер (физическое развитие) и др.²

В 1941 г. были организованы курсы для учителей Трехречья. В начале 40-х годов здесь насчитывалось 18 высших народных, повышенных народных и народных школ в которых обучалось 6414 учащихся. Только в одном поселке Найлумту были высшая народная, повышенная народная и народная школы, охватывающие обучением 233 ребенка школьного возраста. В ряд этих школ учителями работали молодые люди, окончившие средние школы и не имевшие опыта педагогической деятельности. Они нуждались в специальной подготовке³.

Руководил курсами преподаватель 3-ей высшей народной школы в г. Хайларе А.И. Куклин.

Через курсы прошли учителя Е.П. Пожарская, М.С. Оксенова, М.И. Пудовкина и др. Им были прочитаны лекции о внешкольном воспитании, о школьном деле в соответствии с учебно-воспитательной политикой Маньчжоу-Ди-Го. Курсантов обучали английскому языку.

После окончания курсов была организована "чашка чая", на которой присутствовал губернатор Южно-Аргунской губернии. В торжественной обстановке П.И. Блохину, директору русских школ в Хайларе, была вручена награда "За усердие"⁴.

Таким образом, курсы обогатили слушателей теоретическими знаниями и обобщенной практикой школьного обучения и воспитания с учетом предъявленных требований, а также особенностей, присущих русской системе образования в Харбине.

Это позволило повысить уровень знаний учащихся в народ-

¹ ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 229, л. 35.

² Там же.

³ ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 32, л. 34.

⁴ Голос эмигрантов. Харбин. 1941. 10 авг.

ных и повышенных народных школах, а также способствовало повышению у них интереса к изучению русской истории, литературы, географии и других предметов. В результате приток учащихся в школы заметно повысился, улучшилась дисциплина и посещаемость уроков. В процессе педагогической деятельности стали полнее учитываться национальные особенности учащихся, их возрастная психология, что вело к развитию теоретических способностей детей, повышению успеваемости.

В 1944 г. 44 учащихся эмигрантских школ Бюро за хорошую учебу были награждены книгами "Русская история в русской поэзии", "А.С. Пушкин и его время", "Пути русской молодежи"¹.

С началом войны на Тихом океане перед школами встала задача "подготовить кадры для завершения Восточно-Азиатской войны до победного конца"².

В 1942 г. прошел съезд директоров всех эмигрантских школ в Маньчжоу-Ди-Го, где была рассмотрена их деятельность, конкретизированы задачи, стоявшие перед школами в чрезвычайных условиях.

На съезде была подчеркнута необходимость введения в школах военной подготовки, жертвенных работ, усиления физического и идейного воспитания³.

В 1942 г. была введена военная подготовка в 9 мужских школах Харбина (высшая – 1; специальная – 1 (колледж ХСМЛ); средних – 6 (4-ая ВНШ; ВНШ Биньцзянской провинции, ХСМЛ; школа языкознания, духовная семинария, лицей Св. Николая, 1 техническая), где обучались 800 чел.

В высших, специальных и особых школах военная подготовка проводилась по 3 часа в неделю в каждом классе, в среднем 90 часов в год. В средних школах – по 2 часа в младших классах, что составляло 60 часов в год, и по 3 часа в неделю для старших классов, т.е. в среднем 90 часов в год.

С учащимися колледжа ХСМЛ и техникума в 1943 г. был проведен 5-дневный лагерный сбор.

В 1943 г. началось создание районных организаций молодежи Кио-Ва-Кай, с членами которых проводились специальные занятия и лагерные сборы⁴.

В 40-е годы получили распространение десятидневные строевые военно-воспитательные подготовки русских эмигрантов Маньчжурии, на которых девушек и женщин обучали приемам обороны во время воздушных налетов врага. Все десять дней они находились в казарменных условиях. После окончания проводился смотр прошедших военную подготовку девушек. Один из таких смотров прошел в июле 1944 г.⁵.

С начала 40-х годов усиливается внимание к участию учащихся школ в жертвенных работах. Только в 1942 г. учащиеся эмигрантских учебных заведений приняли участие в больших

¹ ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 240, л. 15.

² Учебная программа народных и повышенных школ. С. 6.

³ ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 164, л. 73, 74.

⁴ ГАХК. Ф. 831, оп. 1, д. 18, л. 16, 17.

⁵ Захинганский голос. Харбин, 1944. 5 сент.

работах по сооружению новых шоссе и железных дорог. Таких работ было проведено на 13 млн. человеко-дней¹.

Так, учащиеся эмигрантских школ участвовали в создании Великой Азии. От них ждали жертвенности, самоограничения, содействия властям. В таком плане в эти годы проводилась работа со всем эмигрантским населением Маньчжоу-Ди-Го.

В 1944 – 1945 гг. в Маньчжоу-Ди-Го насчитывалось 12 средних учебных заведений: в Харбине – 7: Богословский факультет, 2-ая ЖНШ, 4-ая НШ, 5-ая НШ, Духовная семинария, Лицей Св. Николая, Институт Св. Урсулы; гимназия в г. Дайрене; реальное училище в г. Мукдене; гимназия в г. Хайларе; гимназии в Якешах и Мулинских коях; 104 повышенных народных школ; 8 специальных учебных заведений².

На 1 января 1945 г. в Харбине насчитывалось 30 учебных заведений с общим числом учащихся 3058 чел., в том числе начальных народных школ – 8 (и 2 отделения), где обучались 715 учащихся; повышенных народных школ – 6 с общим количеством учащихся 292 чел.; высших народных школ – 3 (534 чел.); частные средние учебные заведения – 4 (700 чел.); специальные – 1 (русский техникум) (19 чел.); высших учебных заведений – 2 (334 чел.); медицинских школ, курсов – 5 (337 чел.); музыкальных – 2 (127 чел.)³.

Несмотря на тяжелые условия оккупации в 40-е годы в Харбине успешно действовали старые учебные заведения, не закрытые властями в результате реформы 1937 г., и возникшие в эти годы новые, такие как народная школа на Почтовой улице, Затонская школа и др.

Главными в обучении в соответствии с установкой на сохранение национальной культуры оставались гуманитарные дисциплины – язык, литература, история, география.

Сравнивая положение русских школ в Маньчжурии и европейских странах, таких как Германия, Франция, следует отметить, что здесь сложились наиболее благоприятные условия для их существования. В Европе к концу 20-х годов дети эмигрантов все чаще вынуждены были посещать местные школы, так как русские учебные заведения, содержащиеся на средства эмигрантов при незначительной помощи правительств стран проживания, закрывались в связи с отсутствием финансирования, а дисциплины, связанные с русской культурой, изучались частным порядком. Потеря надежды на ближайшее возвращение в Россию привела в 30-е годы к упадку русского образования в европейских странах. В Маньчжурии русские дольше, чем в Европе, вынашивали "мечты" о возвращении домой, поэтому эмигранты предпочитали отдавать своих детей в русские школы, которые успешно функционировали до последних дней существования русской диаспоры в Харбине.

Старшему поколению эмигрантов потребовалась большая изобретательность, большой такт, чтобы в сложных условиях

¹ ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 164, л. 74.

² ГАХК. Ф. 830, оп. 2, д. 32, л. 18, 19.

³ ГАХК. Ф. 830, оп. 1, д. 236, л. 51.

японской оккупации найти те формы образования и воспитания, которые позволили бы новым поколениям, не знавшим России, сохранить к ней любовь и духовную привязанность.

